
ЯРОСЛАВ
ЗУБКОВ
ИЦ
ИЗБРАННОЕ

Ярослав Зубковский

Избранное

«Автор»
2026

Зубковский Я. Н.

Избранное / Я. Н. Зубковский — «Автор», 2026

В книгу "Избранное" вошли, на мой взгляд лучшие прозаические произведения, а также поэтические произведения, которые ранее нигде не публиковались. Кроме того, я открыл новую рубрику — посвящения и эпиграммы на популярных в нашей стране людей, которую, даст Бог, я обязательно буду продолжать.

© Зубковский Я. Н., 2026
© Автор, 2026

Ярослав Зубковский
Избранное

ПРОЗА

Первый поцелуй

Тихий летний вечер. Ещё не спала жара, но всё вокруг постепенно замирает, успокаивается. Всё живое начинает готовиться ко сну, укладывается на ночлег.

Мужчины покормили скотину, хозяйки давно подоили коров, петух утихомирил своих беспокойных, но податливых подружек. И только луна, как бы завлекая звёзды, гордо покачивая бедром, незаметно скользит по безоблачному небу. А небо как огромная нарядная ёлка. Млечный путь – это её ровный ствол, созвездия – это гирлянды, звёзды – красивые яркие шары, которые кто-то незримый удобно расположил на еловых лапах. Но не успеет луна устать от своей прогулки, как звёзды и созвездия начнут гаснуть – небесная ёлка исчезает…

Так наступает утро. Вначале робкое и зыбкое, как взгляд юноши на обнаженную женщину. Потом улыбающееся и потягивающееся, как невеста после брачной ночи. Затем мягкое и восторженное, как ребёночек неловко и осторожно ступая к протянутым навстречу материнским рукам. Потом яркое и безудержное, как восторг, как безумие, как огромная любовь, которая манит, поглощает, рвёт сердце на части, умиротворяет и опаивает до потери сознания…

Но это будет потом… А сейчас сверчки без умолку соревнуются в своей трескотне, нежный запах сена щекочет ноздри. Слабо покалывая шею, уши оно успело набиться за пазуху. Я в ожидании любви, любви и счастья. Кажется, что весь мир тайком смотрит на меня, что все мужчины на земле знают о том, что я пришёл на свидание и со страшной силой мне завидуют. А я начинаю завидовать сам себе или я схожу с ума?

И вдруг, я с ужасом замечаю, что я слышу своё сердце. И удары его всё больше и больше набирают частоту и силу. Оно уже, как колокольный звон, как набат. И мне становится страшно, что из-за него я не услышу шаги, её шаги. Но нет, я не только вижу и слышу, как она идёт, я чувствую её тело. Я – земля, которая ждет её ножки, я –трава, которая нежно склоняется при каждом её шаге. Я – капелька росы, которая пытается упасть на её ножку и соревнуется с другой капелькой кто более продержится. Я – воздух, который хочет обнять, приласкать и защитить каждую её клеточку.

Я не знаю где правда, а где ложь, где сказка, а где быль, где вымысел, а где реальность. И только жадное дыхание, шёлк её волос, аромат её тела, касание наших рук, да сумасшедший бой моего сердца говорят о том, что я живой. И от бесконечности счастья, от необъятной любви к ней, от трепетного отношения её ко мне моя грудь набирает столько воздуха, и ещё чего-то такого, которое никто и никогда не испытал. Я до боли хочу закричать и выпустить это всё через рот, нос, глаза, уши, руки. Но чтобы не сделать этого я впиваюсь в её губы с такой силой, как будто бы от поцелуя сейчас произойдёт чудо зачатия. И она чувствует это, мы замираем, мы зависаем, мы летим, мы – не здесь, мы – в невесомости. Мы пропали или провалились…

Проходит вечность, а может быть много вечностей, которые мы прожили за всех людей, которые жили и любили до нас, и тех, которые будут жить и любить после нас...

И вот мы возвращаемся, мы возвращаемся на землю не из космоса, не из галактики, мы возвращаемся из рая.

Это моя Родина, это моя Любовь, это моя жизнь.

Легенда о Майе

Когда-то давным-давно, когда на земле всегда было холодно, хмуро и пасмурно, в древнем русском городе родился в семье воеводы необычный ребёнок. «С виду, вроде бы, ничего особенного, девочка, как девочка, – поведала повитуха, – но только, глазоньки-то у неё оказались сиреневые. Окинула она светлицу своим сиреневым взором, как тут же из бревенчатых стен терема ромашки стали пробиваться да васильки». А поднесли ребёнка к окошку, да глянула она глазёнками на улицу, так сразу же из-за туч выглянуло солнышко, а всё живое стало, как на дрожжах расти, цвести и благоухать. Воевода с женой дали ей красивое имя Майя. Подрастала девчушка быстро. Бывало, проснётся, улыбнётся всему свету и ну возделывать горницу, сажает своими сиреневыми глазками повсюду и цветы, и ягоды. Вот нянькам-то работы прибавилось: то незабудки с буфета сорвать, то иван-чай на полатях скосить, то репу из пола вытянуть, то землянику с сундука собрать, то лавки от клюквы прополоть, а то и грибы с подоконника срезать. А Майя, знай себе, смеётся-заливается, глазёнками сиреневыми постреливает, да новые растения сажает. Одним словом, светлая девчушка росла, куда ни глянет, тотчас всё окрест зеленеет и зацветает. У неё даже старые сухие деревья и те оживали да новую жизнь начинали.

На окраине этого города жила старая злая колдунья Цеба, покровительница тьмы. Проснулась она однажды в своём замке, подошла к окну, абы насладиться темнотой, так и взвизгнула от неожиданности – на улице солнце светит, деревья растут, цветы цветут, даже птицы и те запели. Встала Цеба промеж двух зерцал и в сквозном коридоре увидела виновницу своих бед – Майю. Решила колдунья во чтобы-то ни стало извести девушку. Закрыла она ставнями все окна в своём замке, зажгла чёрные свечи и стала ведьмачить. Неделю колдует, месяц, год, второй, пятый, десятый. Но, что бы Цеба ни делала: морозы и туманы напускала, ворожила и заговаривала, шаманила и порчу наводила, – ничего у неё не получалось.

А Майя росла, хорошела и от взгляда её сиреневых глаз даже камни и те зацветали. Когда исполнилось девушке 18 лет, позвал её отец-воевода к себе и говорит: «Майя, милая моя девочка, ты выросла, стала красавицей, пора тебе замуж выходить. Отдал я указ, абы с завтрашнего дня пускать в терем всех женихов без исключения. Ну, а ты, уж кого сама выберешь, за того я тебя замуж и отдам". В ту ночь приснился Майе сон, будто окружает её нечисть страшная и злобная. Вяжут её, крутят её, чёрной лентой глаза закрывают, как хотят издеваются. Вдруг откуда ни возьмись, налетел рой пчёл. Ужалили их пчёлы, и исчезла вся нечисть, как будто её и не было. Проснулась Майя, села на кровати и призадумалась: «Что же этот сон мог означать?»

Колдунья Цеба в это время ладони свои потирает, решила она своего жениха послать к Майе свататься, абы забрать девушку из терема, да спрятать её в темницу глубокую, абы никогда на земле не было ни света, ни цветов. Пришёл этот жених в терем – красив, высок, строен. Вышла к нему Майя и сразу протянула свою руку для поцелуя, а в руке у неё пчёлка зажата была. Взял её руку женишок, а пчела его и ужалила. Обратился он в змея поганого и уполз из терема. Побелела Цеба от ненависти, второго жениха посылает, краше первого. Пришёл он в терем, протянула Майя ему руку, ужалила его пчела, обратился он в крысу противную. Убежала та крыса прочь. Позеленела Цеба от злости. В третий раз посылает свататься оборотня своего любимого. Пришёл он в терем красоты неземной. Дрогнуло сердечко у Майи, но пчелу из руки не выпустила. И ему протянула она свою руку. Ужалила его пчела, обратился он в ворона чёрного и вылетел в окно из терема.

Почернела Цеба от гнева. Села она сама на стезе у ворот терема якобы милостыню просить. И как только приезжали новые женихи, так она их кого в жабу, кого в кузнечика, а кого и в таракана превращала. Пошли страшные слухи по воеводству: «Кто к Майе посватается, тот или вовсе с земли исчезнет или в нечеловеческое существо превратится!» Перестали женихи обивать пороги терема воеводского. Закручинилась Майя и под печальным взором её сиреневых глаз теперь только лебеда, репейники, да крапива стали прорастать.

А на окраине этого воеводства жили два друга красавца – не разлей вода. Охотниками да рыболовами знатными были, никого и ничего не боялись. Прознали они про Майю и решили, не страшась слухов, посвататься к девушке. Прибыли они к терему, а Цеба тут как тут. Превратила она этих молодцев одного в старика немощного, другого – в калеку убогого. Посмотрели они друг на друга и пригорюнились. Тем временем позвала стража женихов. Опустили они головы и, помогая, друг дружке, всё же вошли в терем. Посмотрела на них Майя и тоже протянула им свои руки, в каждой из которых пчёлка была. Ужалили их пчёлы и стали они снова молодыми, стройными и красивыми. Увидела это колдунья Цеба, вспыхнула от ярости синим пламенем, и сгорела, только пепел по земле и развеялся. Поцеловали молодцы руки Майе, держат в своих руках, а отпустить не в силах. И Майя, как глянула на них, так сразу и влюбилась. Да влюбилась сразу в обоих! Не смогла она отдать предпочтение одному из них, так и маялась, бедняжка, всю свою жизнь.

В честь девушки Майи с сиреневыми глазами назвали маем последний месяц весны, когда всё кругом зеленеет, цветёт и распускается. А юношей тех, которых она полюбила, говорят, звали Апрель да Июнь. Вот так и осталась Майя стоять между двух любимых мужчин не только в жизни, но и в календаре. С тех пор в народе поверье появилось: «Если женишься или замуж выходишь в цветущем месяце мае – значит, всю жизнь маяться будешь!»

Легенда об иконописце Степане

– Здравствуй! Ты что-ли лекарь? Давай заходи.

– Buongiorno! Parli italiano? (Вы говорите по-итальянски?)

– Кудахтую малость.

– Sono il dottor Gustavo, e tu chi sei. (Я доктор Густаво, а Вы кто?)

– Степан Дементьевич я, сын Нарыкова, русский живописец, pittore по-вашему. Ты, давай, Гусь, лечи меня быстрее. Мне сегодня нужно портрет Антонио закончить Страдивари, а на следующей неделе уже начать писать портрет папы вашего римского.

– Cosa ti fa male, Stepan? (Что у вас болит, Степан?)

– Голова раскалывается, да сил нет с кровати подняться.

– Stepan, stai calmo! (Степан, лежите спокойно!)

– Некогда мне лежать спокойно! Мне работать надо. Даром что ли, батюшка Григорий Дмитриевич Строганов послал меня в вашу Италию живописи учиться!

– Hai la febbre e i brividi. (У вас жар и озноб.)

– Ты мне пилюлю дай, лекарь Гусь, да и иди себе с Богом.

– Apparentemente hai la peste (По всей видимости, у вас чума!)

– Баламошка ты, лободырный! Меня зовут Степан, родом я из Сольвычегодска! А ты? Ты кто такая? Фу, какая же ты страшная! Руки от меня убери, ведьма!

– Stepan, sei delirante! (Степан, у Вас бред)

– Я – русский живописец Степан Дементьевич Нарыков! А ты крыса беззубая!

– Perdonami, Signore, sta morendo! Прости меня, господи, он умирает!

– Пошла, пошла отсюда, карга горбатая? Запомни, я – русский живописец, Степан! И мне обязательно нужно вернуться домой! Я – русский живописец… Я – русский… Я – русс…

Мне лекарь поставил диагноз смертельный,

Осталось неделю мне жить.

О, Боже, за что? И в тоске безраздельной

Я начал по-чёрному пить.

Бутылка стоит на засохшей палитре,

Маслёнка и хлебец ржаной…

Вдруг Бог появился, читает молитву

И нимб – над его головой!

Наполнилась светом моя мастерская,

А хмель моментально прошёл.

И трижды крестом себя осеняя,

Челом я ударился в пол.

Подходит ко мне, говорит: «Извините,

Но вот уже 27 лет

Я к вам обращаюсь, как истый ценитель,

Чтоб мой написали портрет.

Однако, Вы пишите только великих:

Маркизов, дворян, королей.

И стал я для Вас, к сожаленью, безликим,

Ведь нету у Бога рублей".

И бросился я моментально к мольберту

Ошибку свою исправлять.

Вот, выпало счастье за сутки до смерти

С натуры мне Бога писать!

А дальше картинки как в калейдоскопе:

Бинты, мастихины, скелет,

Снег, пепел, старуха, болотные топи,

И вдруг вспыхнул солнечный свет!

***

С тех пор для меня нет мерила в работе,

Как звания, деньги и пост.

Глядит на меня с одобреньем, в киоте

Спаситель, Господь мой и гость!

Благодаря Всевышнему, раб Божий Степан Нарыков выздоровел и вернулся на родину, но с тех пор писал только иконы. Свой опыт, мастерство и знания он передавал другим русским иконописцам в том числе и своему сыну Ивану. Он писал иконы для множества красивейших храмов России: Введенского монастыря и Церкви рождества Пресвятой Богородицы Сольвычегодска, Троице-Гледенского монастыря Великого Устюга, церкви Двенадцати апостолов на территории Московского Кремля, Свято-Никольского женского монастыря в городе Переславле-Залесском, Спасо-Преображенского собора в городе Таллине. А икону ту, которую Степан писал с самого Господа Бога, он разместил в одном из этих храмов. Эта икона была уникальна не только своими исцеляющими свойствами. Современники Степана рассказывали, что, если долго смотреть в глаза Господу на этой иконе, становится видно, как он моргает. С тех пор много воды утекло, все ищут эту удивительную икону, но так найти и не могут. А вы случайно не видели?

История одного стола

Привет, я – стол! Наконец-то и про меня что-то написали! И вот поставили! Меня! На сцене!

Вот заметьте, про 12 стульев писали, про умывальник в «Мойдодыре» писали. Про кровати, диваны, даже нары писали? Писали! Я уже не говорю о таких мелочах, как сапоги-скороходы, хрустальные туфельки и ковры самолеты.

Да, я – стол! Но неужели за тысячи лет служения человеку я не достоин того, чтобы обо мне написали хотя бы маленький рассказик?

Стол! Не стул там какой-то, ни табурет, ни горшок, ни тумба, ни, мягко говоря, эта, полочка!

Стол! Это звучит гордо! У нас – у столов, как и у Вас – людей и профессии разные: письменный, журнальный, кухонный, будуарный, парты, бюро.

А я, кем я только не работал! Один мой хозяин алкоголиком был. И дрожащими руками проливал на меня то водку, то пиво, то еще какую-нибудь гадость, а вытереть меня забывал. Вот, мой первый хозяин был интеллигент-профессор. Садятся, бывало, с Бурменталем обедать, цветочки на мне, графинчик, приборы разные спинку массажируют. Особенно приятно, когда горячее подают! Тепленько так! А Шариков мне ножки грыз и ручки. Нет это Вы – люди

думаете, что у нас только ножки! Нет, у нас и ручки есть и даже пальчики! И умираем мы тоже, как вы – люди.

А вы знаете, когда-то я работал столом у одной молодой актрисы. Но я ведь тоже был ещё того…, не старый, я – антикварный, а антикварный стол, как говорится, сервировки не испортит.

Мои года, моё богатство!

А как я люблю, когда за мной учат уроки, диссертации разные пишут, песни застольные поют, роли разучивают. Моя бабушка рассказывала, что на ней, сам Пушкин писал. Я тоже надеялся, что стану творческим столом: «Быть или не быть!» И что там было у этой актрисульки? И кого там только не было! Костюмеры, звукооператоры, осветители, режиссёры и их помощники. Вы такого в телевизоре не увидите. Мне стыдно признаться, но меня тогда иногда использовали совсем не по назначению. Прости меня, дубового, Господи!

А я ведь тоже когда-то любил! Да, да любил! Люстру! Она висела высоко под потолком… У нас была страстная любовь! И когда все в доме засыпали, я пел для неё:

Гори, гори моя звезда!

Гори звезда приветная!

Ты у меня одна заветная,

Другой не будет никогда!
А она мне отвечала:
Без меня тебе, любимый стол,

Земля мала, как остров,

Без меня тебе, любимый стол,

Лететь с одним крылом!

Но нас разлучили. Мою люстру отвезли на дачу, а вместо неё купили современную лампу – пустышку! Она знала только одну песню: «Нас не догонят!» Но за ней никто не бегал, хотя она и строила лампочки и дивану, и роялю, и шкафу, и даже компьютеру. Кстати, один мой знакомый стол работал в компьютерном клубе. А там с утра до вечера: Бам, бух, УУУУУУ-УУУУУ, тра-та-та-та-та, жи-жи-жи-жи-жи-жи! Так он с ума сошёл, сейчас прикрученный в психушке стоит. Не верите? Да чтоб на мне хлеба никогда не было!

А я люблю тихие настольные игры: шахматы, шашки, лото. В картах, например, проигравший залазит под меня и кричит: «Кукареку!» А мне смешно и щекотно под мышками. Я даже домино люблю, хотя за козла бывает обидно.

А знаете, какой я раньше был? Я был круглый, нет, не дурак, я был круглый стол, а потом меня обрезали. Да я слышал, что есть мужчины, которым делали это, и женщинам обрезали что-то по бокам, сзади и даже на лице. Но я ведь не просил их об этом, а всё потому, что я в дверь не проходил. Нравится вам, так обрезайте себе, что хотите, зачем же нас столов мучить.

Тяжелая у нас, у столов работа, в постоянном напряжении, и только, когда в доме никого нет, я могу размять свои сучки и веточки. А простоять всю жизнь на четырёх костях, в позе ЗЮ, думаете легко? Вот, вы сами попробуйте. Что тоже так стоите?

Одно время я работал там, где ни днём, ни ночью покоя нет. Знаете, как оно называется? Общежитие. О, это страшное место! Такого я нигде не видел и не слышал! Складывалось такое впечатление, что жильцы этого формирования кушают три раза, нет ни в день, а в месяц: после стипендии, халтуры и передачи из деревни. После таких праздников на мне даже оставались

остатки. Что они с ними делали? Как что делали – доедали, на следующий день, кто раньше встанет. Они жили по принципу: придёт волна мусор смоет, но эта волна почему-то не приходила. Что на мне тогда творилось, я вам передать не могу. На меня тогда не только мухи боялись сесть, на мне тараканы ноги ломали. Да мне, вообще, за вредность древесный лак должны давать. А что творилось во время этих застолий?! Один, топчет правую ногу блондинки, другой топчет левую ногу блондинки, третий трогает бедро второго, а блондинка поглаживает колени брюнетки. И только рыженькая никому не нужна, так я её сам тихонько поглаживал. А брюнетка как вскочит на меня с каблучищами и под музыку всю одежду как сбросит! У меня волокна дыбом!

Кстати, вы знаете, что стулья сексуально-озабоченные? У них только одно на уме, им всё равно кого лапать. А во время редкой уборки, их переворачивают и на меня ставят, тогда они и ко мне пристают – извращенцы! Но я не такой!

А ещё жильцы этого общежития друг другу подлянки делают. Это уму не постижимо:

– могут компот посолить;

– могут в чужую кастрюлю плюнуть;

– пургена в чайник насыпать;

– в шампунь зелёнки налить;

– или «велосипед» сделать, не знаете, что это такое? Вам не делали? Это когда спящему между пальцев ног вставляют газету и поджигают. И когда начинают гореть пальцы на ногах, спящий быстро-быстро крутит педали. А все кругом кричат: «Финиш, финиш!»

Нет, вы не подумайте, что всё в моей жизни было так плохо, были и яркие периоды, когда я работал у одной пары. Он – инженер, трудоголик. Она не инженер и не голик. И сидя за мной, приготавливая очередную маску для лица и разговаривая по телефону, она очень гордилась собой и своей верностью мужу. Он отдавал себя полностью работе, она отдавала себя ему – она была верна. Потом она была ему очень верна. Потом она была ему верна часто. Потом она стала ему чаще верна, чем не верна. Потом она стала ему верна не так часто, за то она стала верна другому. Потом она стала верна другим. Потом она подсчитала, что она верна другим и мужу одинаково, и решила что-то менять. И стала вернее другим, чем мужу. В конце концов, оказалось, что с мужем она изменяет другим. Но время брало своё. За мной она засиживалась дольше, маски становились гуще, а телефонных звонков меньше. И тут она поняла, что именно муж виноват в появлении морщин, и в том, что у подружки и брильянты тяжелее и цепи толще, и нарядов больше, и машина с большим объёмом двигателя. И решила она с ним разойтись, и быть верной тому, кто это заслуживает. Всё имущество они поделили, честно, но меня они поделить не могли: ему я нужен был для работы, ей я нужен был для масок. Вначале они хотели даже меня распилить, но потом, слава Богу, продали.

Да, не всё в моей жизни было так отполировано. Последнее моё место работы – у иностранцев. Оказывается, этот иностранный язык включает и наши слова.

Один, иностранец весь в синих рисунках каких-то: купола, тигры, девушки с мечами и столько названий населённых пунктов, что можно в города играть. Положит этот иноземец на меня ладонь и ну тыкать ножом между своих пальцев и всё в спину, спину мне, больно так.

Второй, положит на меня ноги, а на ступнях написано: «Они устали», закроет глаза, а на веках: «Не буди». Так этот у меня на спине ножом вырезал: «Сонька = Любовь». А у меня слёзы с глаз к себе и к Соньке этой от такой любви. Но недавно к нам в дом ворвались люди в масках и арестовали их, слава Богу! Оказалось, что это была страшная банда.

Наверное, у меня обострённое чувство справедливости, порядочности, честности. Ведь стол – это только оболочка, но у нас, как и у вас – людей есть душа, которая переживает, страдает, смеётся, грустит и плачет. И мы столы, как и вы – люди бываем хорошие и плохие. Но нас хороших, гораздо больше, правда? А ещё, мы – столы, ваши лучшие друзья, мы ваши

лучшие слушатели и помощники. Мы понимаем любой ваш язык, главное, чтобы он добрый был!

Вы спросите, что было дальше? Меня конфисковали, забрали на какой-то склад, на котором я сильно заболел. Потом пришла ревизия, меня списали и выкинули на свалку. Там меня нашёл бомж, и порубил на дрова. И пока догорали мои последние щепочки, я успел рассказать вам историю своей жизни. Но целый день, и целую ночь я отдавал своё последнее тепло Человеку.

Сон

Вчера приснился сон. Будто началась третья мировая война. Зима. Сижу в окопе в ватнике, мороз, снег, впереди уже виден Белый дом. Ждём начала атаки. Комбат нашего первого батальона Димка Медведев – приколист: на прошлой неделе пулял из ракетницы раз десять, пиндосы трясутся, что сейчас в атаку пойдем. А комбат второго батальона Шойгу обошел высоту и взял их всех тепленькими. Прикол, что ордена им обоим дали. Голос из рации: «Механикам водителям, подготовить боевые машины к заправке!» Это значит, Женька Дитрих на бензовозе приехал, Саня Новак будет саляру в танки заливать. Значит, точно наступать будем. Вон уже Вовка Мединский под свист пуль бойцам агитлистовки по окопам разносит, а стройбатовец Мутко плюётся – ему снова на новом рубеже блиндажи строить. Закуриваю, вчера Мантуров табачку аж на три дня выдал. Вообще, бойцы у нас в батальоне храбрые. Взять, хоть, Володьку Колокольцева, намедни пробрался он в тыл врага и завалил Порошенко. А Юрка Борисов сегодня языка взял, этого Столтенберга, так Валерка Герасимов сейчас его допрашивает, а Серёга Лавров переводит. О, команда – приготовиться к атаке! Все одновременно кричим: «Вперёёёёёёд! За Роооодинуууууу! Вскакиваю на бруствер, стреляю из «калаша», смотрю, сам комполка Путин с пистолетом в первых рядах бежит. Молодец командир! Что-то меня обжигает, в глазах темнеет, носом вдыхаю снег, из живота течёт кровь, на пригорке стоит смерть, улыбается. Теряю сознание. Вдыхаю ароматный запах сирени, весны – это санитарка наша Вероничка Скворцова перевязывает меня, лепечет что-то, утешает, что жить буду, ещё внуков буду растить… Жаль, не успел дочурке с женой денежку послать – начфин Силуанов снова денежку задержал. Тяжело им там сейчас в тылу… Жене пенсионный возраст повысили до 100 лет. Дочке высшую математику ввели в третьем классе. Зачем ей математика высшая, когда она музыкантом хочет стать?

Кричу из всех сил: «Вероника!», резко сажусь на кровати и неожиданно просыпаюсь. В спальню входит жена: «Какая еще Вероника?»

Кричу: «Да Вероника, Скворцова…» Просыпаюсь окончательно, продолжаю почти спокойно: «Это одноклассница моя, милая, моя жёнушка! Значит, это всё сон! И войны нет! Слава тебе, Господи! Будем жить!»

Боги слышат всё

Весеннее солнце смело пробивалось сквозь высокие кучевые облака. Почерневший снег начал отдавать свои жизненные соки природе, но промёрзшая земля пока не могла принять эту живительную влагу, и она превращалась в первые тоненькие ручейки.

Ромка любил это время года, когда, надев пару толстых шерстяных носков в резиновые сапоги, можно смело вышагивать по разным глубоким лужам, расширять тоненькие русла ручейков, разбивая сапожками ещё замёрзшие берега. А потом, вернувшись в начало ручья, отломать сухую веточку и, пустив её по руслу, наблюдать, как она преодолевает сложные повороты и пороги.

Но в этом году, отметив свой первый юбилей в десять лет, и получив от отца в подарок перочинный ножик, Ромка уселся на лавочке во дворе и стал вырезать кораблик из ветки дерева. Закончив корпус, он принялся за перо руля, но тут раздался звонкий голосок.

– А что это ты делаешь? – облокотившись на лавку, рядом стоял мальчик чуть помладше его самого и с любопытством наблюдал за работой.

– Это будет кораблик, – гордо ответил Ромка, высунув кончик языка, и продолжил стругать.

–Ты хочешь на нём весь двор переплыть? – подойдя ближе и заглядывая Ромке в глаза, спросил мальчик.

– Нет, весь земной шар.

– Ух, ты! Здорово! А можно и я с тобой? – завистливо произнёс малыш.

– А тебе сколько лет? – прищурившись, спросил Ромка.

– Мне уже восемь, – застеснявшись, ответил мальчик, и чуть тише добавил, – скоро будет.

– Ну, восемь – это уже нормально. А то с маленькими, сам понимаешь, некогда нянчиться, время сейчас тяжёлое. Тебя как зовут-то?

– Меня – Умар, – обрадовавшись, что его не прогнали, ответил мальчишка.

– Ну, привет, Умар, а я Ромка, – и пожав руку, продолжил, – ты только не подходи близко, а то, не дай Бог, порежу случайно.

– Хорошо, я тебе просто помочь хотел, – отступил назад Умар.

– Помочь? – на мгновение задумался Ромка, – а найди-ка мне, Умар, тонкий ровный прутик, мы из него мачту будем делать.

Умар быстро пошёл по дорожке и вернулся с тонкой хворостинкой.

Воткнув в корпус кораблика перо руля, Ромка взял прутик и протянул Умару кораблик: «На, подержи пока, только не поломай».

Ромка заточил прутик с двух сторон, достал из кармана куртки квадратный красный листок, прорезал в нём две дырочки.

– Это будет мачта с парусом, – продевая прутик в листок, сказал Ромка. После чего сделал небольшую дырку в корпусе и воткнул туда прутик с листком.

– Классный корабль получился, – восторженно сказал Умар, и чуть тише добавил, – у нас.

– Конечно, у нас! – Ромка поднял ладонь вверх и, дождавшись, пока Умар хлопнет по ней своей ладошкой, продолжил, – а как мы его назовём?

– Не знаю.

– Мы его назовём по первым буквам наших имён, – Ромка достал из кармана куртки красный фломастер и написал под парусом две большие буквы Р и У, – Ромка и Умар, получается РУ…

– Русь, – вдруг поправил Умар.

– Точно, Русь! Ай, да, Умар, красавчик! – обрадовался Ромка, дописал ещё две буквы, несколько раз обвёл слово «Русь» и бодро продолжил, – товарищ Умар, вы назначаетесь помощником капитана Романа на корабль «Русь»!

– Слушаюсь, товарищ капитан! – бойко ответил Умар.

Мальчишки опустили кораблик в ручей, и он быстро поплыл, подпрыгивая на волнах, ударяясь о крутые ледяные берега, огибая препятствия и отмели, преодолевая все преграды и засоры на своём пути, а ребята шли следом, любуясь своим творением.

– А где мы сейчас плывём, товарищ капитан? – перепрыгнув на другой берег, спросил Умар.

– Плавают какашки, Умар, – весело поправил Ромка, – а наш корабль «Русь» идёт по морю.

– И где мы сейчас идём, товарищ капитан?

– Посмотрите в бинокль, товарищ помощник. Справа по курсу на горизонте появляется Индия, самая многонаселённая страна. И там очень много слонов. Слоны – это самые крупные животные на земле.

– А вон там, – крикнул Умар, приложив воображаемый бинокль к глазам, – уже травка зелёная пробивается.

– Это Австралия, зелёный континент. Там кенгуру на двух ногах прыгают, коалы на эвкалиптах живут и никогда с них не слазят.

– А это что за страна, глянь-ка, какие высокие сугробы, – указал пальцем Умар.

– Похоже, это Египет. А это их пирамиды, построенные ещё до нашей эры.

– Ромка, а это какая страна с высоким кустиком посредине?

– Это будет Франция, а кустик – это Эйфелева башня.

– А это что за островок?

– Это Англия, – вдруг посерьёзнел Ромка и, оглянувшись кругом, выдернул из подтаявшей клумбы половинку кирпича.

– Рома, мы же не будем топить Англию?

– Нет, конечно, Умар, мы же русские!

– Мы же русские, – гордо повторил за Ромкой Умар.

– Это будет, – Ромка поднял кирпич над головой и, с силой бросив его в сторону, продолжил, – для них предупреждение, чтобы перестали угрожать России, а то огребут по полной.

– Ещё как огребут! – подтвердил Умар, – а вот эта, что за страна, похожая на башмак?

– Это не башмак, смотри же, это сапог, а страна называется Италия.

– А знаю! Мама говорила, что это итальянцы макароны придумали.

– Точно, а ещё там есть башня, которая наклонена и не падает, представляешь? Только я забыл, как она называется.

– А это что страна? – указал пальцем на другой берег Умар, – у неё из-под снега газета торчит.

– О, это Китай, родина бумаги и пороха. У них есть Великая Китайская стена длинною, – сняв варежку, Ромка почесал затылок, и уверенно продолжил, – в общем, очень длинная.

Кораблик упёрся в плотно сбитый кусок наста, а бурливый ручеёк, раздваиваясь и теряя силы, растекался слева и справа от препятствия.

– Товарищ капитан, разрешите доложить?

– Докладывайте, помощник.

– Прямо по курсу Соединённые Штаты Америки! – приложив воображаемый бинокль к глазам, доложил Умар, и продолжил, – что будем делать? Обходить справа или слева?

– СыШыА, говоришь? А ну, стать на дрейф! – резко скомандовал Ромка, вытащил кораблик из воды, сунул в руки Умару и, крикнув «Я сейчас!», бросился к лавке. Он ытащил из-под неё лопатку, вернулся обратно и, поплевав на ладошки, стал рубить кусок наста пополам. Через 10 минут «Америка» малой сапёрной лопаткой советского образца была поделена пополам, а ручеёк снова стал единым и полноводным.

– Сняться с дрейфа, – удовлетворённо выдохнул Ромка, вытирая со лба пот.

– Есть сняться с дрейфа! – бодро ответил Умар, снова опуская кораблик в воду, который неумолимо продолжил курс, красуясь багряным парусом на фоне мутной воды.

Мальчишки несколько раз возвращались к началу дома, где они запускали в плавание «Русь», а она с каждым разом всё бодрее и увереннее преодолевала Германию и Турцию, Испанию и Канаду, Польшу и Нидерланды. Когда же, устав, мальчишки стали прощаться, Умар спросил:

– Ром, а ты завтра придёшь «Русь» запускать?

– Нет, Умар, завтра меня не будет, – ответил Ромка другу и, протянув ему кораблик, продолжил, – ты давай без меня, «Русь» не должна стоять на месте.

– А ты чего? Поедешь куда? – спросил Умар.

– Завтра папка обещал с войны позвонить на мамкин телефон. Я молю Бога, чтобы он вернулся оттуда с победой живой и здоровый, – Ромка резко перекрестился и вытер набежавшую слезу.

– Иншаллах![*] – произнёс Умар и поднял ладони вверх.

Мальчишки обнялись и разошлись по домам.

***

На вечернем небе плыло два облака. На одном сидел Иисус Христос, на другом пророк Мухаммад. Они улыбнулись друг другу и одновременно утвердительно качнули головами. В то же мгновение на земле через ручеёк легко перепрыгнула высокая стройная девушка, на сумке у неё блеснула белая буква Z и большие красные буквы "ПОБЕДА".

---

[*]Иншаллах (араб.) – если пожелает Аллах.

Пир и Рула

И снилось мне, что мы, как в сказке,

Шли вдоль пустынных берегов

Над диким синим лукоморьем,

В глухом бору, среди песков.
Иван Бунин

Почему все птицы такие разные. Большинство из них летают, а некоторые нет, одни плавают, другие бегают, одни большие, другие маленькие, одни живут на севере, другие на юге, одни поют, другие издают странные звуки. А какое у птиц разнообразие окрасок оперений! Все эти различия у пернатых происходили благодаря эволюции, хотя некоторые менялись совсем по другим причинам. Каким? Об этом мы и хотели вам рассказать. Неведомо, когда произошла эта история, известно только, что тогда ещё снегири, девочки и мальчики имели грудку одинакового серого цвета. Вот мы и подошли к главному герою нашего сказа снегирю, которого звали Пир. У Пира была любимая девушка-снегирь Рула. У наших снегирей были добрые соседи – семья белочек, у которых было три бельчонка.

В зимнее время основная задача всех зверей и птиц пережить холодные месяцы. Вместе они занимаются поисками пищи, помогают друг дружке припасами и предупреждают об опасности. Но однажды прилетела сорока и, усевшись на высокую сосну, быстро затараторила: «Внимание, внимание! Всем перррнатым! Корроль оррёл-берркут приглашает 31 декабррря на пррразднование перррвого Нового года! На эту неделю охота перрнатых на перрнатых запрещена!»

– Нет! Это же надо придумать устроить Новый год зимой, – возмутилась белка-мать, – ну, почему не провести его летом?

– Мама! Мама! А что такое Новый? Он вкусный? – спросил один бельчонок, прыгая с ветки на ветку.

– А, что такое год? Он сладкий? – спросил второй.

– Папа! А что такое пррразднование? – спросил третий.

– Празднование, это… – задумался отец белок, подняв голову и потирая подбородок.

– Так! А ну, марш в дом, – строго прикрикнула мама бельчат, – об этом вам ещё рано знать!

– Ой, Пир, мне почему-то не хочется туда лететь, – грустно сказала Рула.

– Ну, что ты, милая! Я думаю, что там будет очень интересно, ведь там будет много разных птичек…

– И мы хотим! – высунулись из дупла бельчата.

– А, ну, марш по кроваткам! Тоже мне птички нашлись! – строго сказала белка-мать и, обратившись к снегирям, добавила, – слетайте, Рула! Ведь зимой не так много развлечений.

Пир с Рулой решили побывать на этом праздновании Нового года, хотя бы потому, что они, как и бельчата, не знали об этом ничего.

Через неделю на огромную заснеженную поляну среди леса, в центре которой стояла высокая ель, начали слетаться птицы со всего света. На краю поляны, на высоком пне застыв в царственной позе и практически не моргая, сидел орёл-беркут, лишь изредка поворачивая голову на прилетающих гостей.

Две огромные поваленные сосны служили столами. На одной из них были насыпаны зерно, семена, орешки, рябина, на другой были разложены кусочки свежего мяса и рыбы.

Распорядителем праздника была птица секретарь, которая вышагивала вперёд-назад и, макая длинное перо в шишку-чернильницу, отмечала галочками в огромной папке из бересты вновь прибывших гостей.

– Уважаемые гости, прошу вас располагаться у столов согласно вкусовым предпочтениям – вегетарианцы налево, хищники направо, – командовала она, – и так прошу отозваться пару лебедей!

– Мы! – лебеди наклонили свои длинные шеи и прошли к столу.

– Пара синиц, – объявила птица секретарь, отрывая голову от папки.

– Есть, – раздалось сразу с двух сторон.

– Подождите, вот, вы точно синицы, – поправив очки, сказала птица секретарь, – а, вы кто такие?

– А, мы – усатые синицы! – ответили птички.

– Да? – секретарь опустила голову в папку, – точно, есть такие, прошу вас, залетайте!

– Надо же, усатые! Может, и бородатые есть? – в шутку спросила птица секретарь.

– Есть! Мы – бородатая неясыть! – послышалось сверху.

– Ой! – вскрикнула птица секретарь, подняв голову, – зачем же так пугать? Добро пожаловать! Надеюсь, с бородами закончили? – вздохнула птица секретарь.

– Нет, ещё! – грозно раздалось чуть поодаль.

– Это ещё кто?

– Это мы, бородачи!

– Вижу, вижу! Физкульт-привет, – отметила гостей в папке секретарь и тихо добавила, – на праздник прилетели, могли бы и побриться.

– Не понял! – зло перебил грозный самец, – это ты мне?

– Нет-нет! Это я себе-себе! – испуганно повторила птица секретарь, и быстро зашептала под нос, – как я могла так накосячить? Говорила мне мама: «учись, не ленись, будь вежлива, держи язык за клювом…»

– Ну-ну! – бородач поставил крылья в боки и спокойно добавил, – а то, я быстро проведу тебе работу над ошибками.

– Нет-нет! Я уже всё исправила! Не надо себя утруждать! С Новым годом вас! – облегчённо выдохнула птица секретарь, когда бородачи удалились. Потом взяла горсть снега, часть съела, а второй частью похлопала себя по лбу и грустно добавила, – вот я – дурында! Так и нарваться можно! А теперь, уважаемые гости, попрошу отозваться пару фуфу, – уже боязливо произнесла птица секретарь тоненьким голоском.

– Нас зовут фифи, а не фуфу! – поправили длинноногие фифи.

– Милости просим, – указывая на стол, сказала секретарь.

– Фу-фу! Фу-фу! – раздалось с другой стороны.

– Это кто фукает? А, пересмешники! Прошу вас пролетайте! Теперь пара галстучников! Прошу! Пара фазанов, добрый вечер! И пара щегол!

– Гол! Гоооооол! – радостно закричали пересмешники.

– Вас, пересмешники попрошу вести себя прилично, вы не на стадионе. Повторяю, пара щегол! – нахмурила лоб птица секретарь.

– Это мы! – пара щеглов прошла к столу.

– Так, странно, – заглянув в записи, нахмурилась птица секретарь, – ещё щегол, вычёркиваем! – секретарь занесла перо над берестой.

– Не надо нас вычеркивать! Я не щегол, я – щёголь! – ответил, обидевшийся самец.

– Хорошо! – птица секретарь, сделала пометку и продолжила, – теперь прошу пара широкорот, наше почтение! Пара чернопопики!»

– Вообще-то, мы чернозобики! – снизу раздалось недовольное покашливание.

– Извините, чернозобики! – секретарь внесла изменения в записях, – далее представляю вам пару буревестников.

– Позвольте, – раздался грудной бас, – мы – гигантские буревестники!

– Извините, конечно! Гигантские буревестники – это самые большие птицы на земле, прошу вас! Далее представляю пару зуёк, я правильно произнесла ваше…?

– Да, удивительно, Вы первая назвали наше имя правильно! – звонко затараторили птички, перебивая друг дружку, – и это очень приятно для нас! Уважаемая птица, секретарь! А, то, как только нас не называли и пара чулок, и пара носок, а бывало ещё хуже: хорёк, пенёк и даже буёк!

– Достаточно! Прошу вас помолчать! Теперь пара мандаринки! Прошу вас! Пара поганки, здравия желаю! И пара киви! Хм, не птицы, а овощная лавка…

– Извините, но меня зовут славка! – обиделся самец пары славок.

– Хорошо, хорошо, славки тоже есть! – устало вздохнула птица секретарь, делая исправления в папке и добавила, – а где же киви?

– Киви не будет, у неё крыльев нет! – уточнила сова, поворачивая голову то влево, то вправо.

– Вот, вам и птицы! Куда этот мир катится? – разочарованно произнесла птица секретарь и громко объявила, – далее, пара кур!

– Извините, но я – петух, – гордо тряся большим гребешком, вставил петух.

– Гамбургский? – удивилась птица секретарь.

– Почему это Гамбургский? – удивился петух.

– Шучу! Исправляю пара петухов...

– Позвольте! Но у меня в паре не петух, а курица, – возмутился тот, устрашающе надвигаясь на секретаря.

– Хорошо-хорошо, исправляю петух с курицей, – презрительно скосив глаза за уходящей куриной парочкой, ведущая сделала ещё один вывод, – вот так, пока жареный петух не клюнёт, птица не завертится, хотя, этот вроде бы не жареный, ну, да ладно. Продолжаем! Пара ква.

– Вообще-то, я кваква, – в один голос произнесли кваквы.

– Я и говорю, Вы – ква, – птица секретарь сердито указала пером на одну птицу, – и Вы – ква, – переводя перо на другую птицу, – правильно?

– Не правильно! – снова в один голос ответили птицы.

– Я – кваква, – сказал одна птица.

– И я – кваква! – сказала другая.

– Хорошо, хорошо! Салют, вам, кваквам, – а вслед птица секретарь раздражённо добавила, – нет, им обязательно два раза квакнуть надо! Вот из-за таких, как эти и чернил может не хватить. Пара носороги. Так вижу! Здрасьте! Залетайте. Теперь прошу пару обезьян…

– Позвольте, мы не обезьяны, мы обезьяноеды! – поправили её свирепые птицы.

– Хорошо-хорошо! Проходите! Но имейте в виду, что обезьян у нас в меню нету, извините!

– Это плохо, – угрожающе ответили обезьяноеды.

– Хорошо, что они не секретарееды, – сказала птица секретарь сама себе и громко добавила, – теперь, пара страусов, – сделав паузу, она крикнула ещё громче, – алё, страусы есть?

– Страусов не будет, – закатывая огромные глаза, произнесла

сова, – кроме того не будет эму и пингвинов.

– Почему? У них что, тоже крыльев нет?

– Крылья есть, но летать они не умеют, – сова закрыла один глаз.

– Как это может быть? Если крылья есть, значит, должны летать! – секретарь сломала перо и сморщила клюв.

– Должны, но не летают! – сова медленно закрыла оба глаза.

– А, как же они пищу добывают? – секретарь выдернула из головы новое перо.

– Одни бегают, – сова открыла один глаз, – другие плавают, – сова открыла второй глаз.

– А ещё птицами называются! – презрительно произнесла секретарь и звонко выкрикнула, – пара снегирей!

– Это мы! – крикнули Пир с Рулой, вспорхнули и перелетели на стол.

– Всех назвала? – выждав паузу, ведущая продолжила, – а теперь слово предоставляется королю птиц, орлу-беркуту!

Все дружно похлопали крылышками. Орёл-беркут поднял крыло, и все притихли: «Уважаемые крылатые сородичи! Сегодня, на девятый день зимнего солнцестояния, приказываю ежегодно отмечать Новый год! Я желаю каждому выводку, здоровья, тёплого уютного гнезда, достаточно еды и питья вам и вашим деткам! Одиноким птичкам я желаю в Новом году найти себе пару и стать счастливыми! С Новым годом, друзья!

– Уррра! Урра! – все птицы захлопали крылышками.

– А сейчас – Орёл-беркут поднял крыло, – я предлагаю отведать мои угощения.

Птица секретарь снова вышла в центр поляны: «А мы начинаем наш праздничный концерт! Но для начала я хотела бы задать вам несколько загадок:

Нет того, кто не боится
Этой грозной хищной птицы.
Кто, куда бы не забрёл,
Сверху видит всё ...»

Все птицы дружно крикнули: «Орёл!». Орёл-беркут слегка улыбнулся. Птица секретарь выхаживая посредине поляны, продолжала загадывать загадки:

«Под ночными небесами
Песни льются над полями...
Нету песен тех милей!
А поёт их ...»

– Соловей! – хором ответили птички.

– И у нас в гостях, – сделала паузу птица секретарь, – лауреаты и победители многих междупернатых конкурсов, заслуженные певцы лесов, полей и, не побоюсь сказать, даже рек! Соловьи!

Пара соловьёв взлетела, опустилась на ветку ели и стала насвистывать песню «В лесу родилась ёлочка». После окончания свиста, все громко поаплодировали.

– Пир, но мы же не хуже поём? – возмутилась Рула.

– Конечно, милая, – причмокнул от удовольствия Пир, налегая на угощения, – тут каждый кулик своё болото хвалит.

Птица секретарь громко продолжила:

«Ходит в красной тюбетейке,
И сидит не на скамейке,
А на дереве в лесу,
И почти что навесу.
Постучит, букашку схватит
Знаменитый доктор…»

– Дятел! – крикнули все птички.

– Молодцы! – секретарь выставила большое перо, как большой палец вверх, – а я представляю вашему вниманию знаменитых ударников дятлов!

Пара дятлов приземлилась на два маленьких барабана, висящих на ели, ловко выбивая дробь клювиками и лапками. После окончания выступления все птички похлопали крылышками.

Птица секретарь снова выскочила на поляну:

«Чёрный, темноты темней,
Нету птиц, его умней.
На высокой ели – вон он.
Это – старый, мудрый…»

– Ворон! – крикнули птички.

– Представляю вам лесного мага и колдуна, ворона! – произнесла птица секретарь и поторопилась уйти.

На середину поляны приземлился ворон, обвёл всех чёрными глазами и подошёл к кукушке. Он провёл крылом вдоль её тела и, на крыле у ворона появилось яйцо. Все бурно зааплодировали.

– Это на что вы тут намекаете? – возмутилась кукушка.

– Некоторые птицы – промолвил ворон, – подкидывают свои яйца в чужие гнёзда, а не высиживают их сами. Не так ли, кукушка?

– А, вы видели это? Ку-ку! У вас доказательства есть? Ку-ку, ку-ку! – разволновалась кукушка, – это какая-то клоунада, я требую авокадо!

Может быть, адвоката? – поправила птица секретарь.

– Да-да! Я требую прекратить это выступление!

– Король Орёл наш судья, и адвокат! – поклонившись, произнесла птица секретарь.

Все птицы притихли. Орёл, выдержал паузу и, не моргнув глазом, тихо сказал: «Ворон, продолжай!»

– Для следующего фокуса, – произнёс ворон густым баритоном, обведя всех своими чёрными глазами, – мне нужна одна смелая птичка.

– Я! Я тут! Это я смелая! – на середину поляны, переваливаясь с боку на бок, выбежала курица.

Для петуха это было так неожиданно, что он тревожно закудахтал, часто вращая головой и беспокойно наблюдая за своей избранницей то одним глазом, то другим. Ворон накрыл курицу своими большими крыльями, потряс ими несколько раз, а когда поднял вверх, курица оказалась окрашена в красный цвет.

– Вот это да! Неужели это моя курочка? Супер! Кура! Ура! Ура! – обрадовался петух. Все зааплодировали, а ворон снова накрыл курицу крыльями, потряс ими и, подняв вверх, оказалось, что курица окрасилась в золотистый цвет.

– Моя Кура, воплощение гламура! – петух от счастья закатил глаза, и томно кудахча, стал посылать ей воздушные поцелуи, – ты моя золотая принцесса, будешь нести мне золотые яйца! Когда же ворон в третий раз продемонстрировал свой фокус, курица оказалась совершенно голой, на ней не оказалось ни единого пёрышка. Она беспокойно закудахтала, стала закрывать себя крылышками то спереди, то сзади. Все птицы громко рассмеялись.

– Ты что наделал? Мозгоклюй несчастный! Ну, я тебе сейчас покажу! – закудахтал петух и бросился на ворона.

– Замри! – произнёс ворон, и петух замер на месте. Птичий маг провёл чёрным крылом по курице, и она обрела свой прежний белый цвет. После команды ворона «отомри», петух вышел из гипноза, обнял свою подругу и недовольно кудахча, увёл её под птичьи аплодисменты. Ворон поклонился, часто замахал крыльями, вызывая снежные завихрения и исчез.

Откуда-то сверху раздался свист, четыре гуся в клювах несли палку, на которой гордо восседал павлин. Приземлившись, гуси убежали к столу, а павлин уважительно склонил голову в сторону Орла-беркута. Секретарь громко объявила: «Ваше величество, уважаемые гости, разрешите вам представить гостя из далёкой Индии, павлин!»

Все дружно захлопали крылышками, а павлин, выпятив ярко синюю грудку, сделал несколько шагов вдоль столов, и вдруг раскрыл свой хвост огромным зелёным веером с блеском и переливами.

Пир в это время продолжал поглощать ягоды рябины, но, когда павлин раскрыл свой хвост, он был так поражён его красотой, что ягодка выпала у него изо рта. Снегирю показалось, что все эти многочисленные «глазки» на перьях павлина, смотрят на него и говорят: «Иди к нам, милый Пир! Мы так давно искали тебя!» Он был так заворожён этим никогда невиданным зрелищем, что сердечко его внутри затрепетало, он взлетел и направился к павлину. Рула успела только крикнуть ему: «Пир, любимый, куда же ты?» Но Пир этого уже не хотел слышать, он несколько раз облетел этот огромный хвост, казавшийся ему то ли небом, то ли раем. Поравнявшись с головой павлина, увенчанной царственным хохолком, он заглянул ему в глаза, подведённые белым «макияжем» и забыл обо всём на свете. Голова у снегиря закружилась, и он свалился под огромный хвост павлина, а тот закружился в страстном танце любви, то наклоняя, то поднимая хвост над Пиром, издавая при этом соблазняющий перьями шелест. Когда танец закончился, Пир сидел, разбросав лапки перед собой, и в глазах его мелькали яркие кружочки роскошного оперения павлина. Дальше Пир видел всё, как в тумане: гуси хватают палочку и улетают с павлином, но снегирь пришёл в себя, взлетел и нагнал кортеж.

– Возьмите меня с собой, пожалуйста! – громко крикнул Пир.

– Зачем? – не поворачивая головы, спросил павлин.

– Я просто голову потерял от Вашего хвоста!

– Ну, садись! – равнодушно произнёс павлин.

– А, как Вас зовут? – присаживаясь рядом на шесток, спросил Пир.

– Меня зовут Сандара, – важно ответил павлин.

На протяжении всего полета до самой Индии павлин рассказывал, что он является самой красивой птицей мира, что его хвост, усеянный «глазками» обозначает звёздное небо и является эмблемой гордости, бессмертия, красоты и бесстрашия. Что в Индии всегда тепло, никогда не бывает снега. И вся эта информация повторялась им, только слова менялись местами. Впрочем, Пиру это было безразлично, он, как заворожённый смотрел на царственный хохолок и ждал только одного, когда Сандара снова раскроет свой хвост.

В Индию они прилетели рано утром, и навстречу павлину выбежали пять пав, которые стали его по очереди обнимать и целовать в щёчки.

– Внимание, девочки мои, дорогие павочки! Чмоки-чмоки! – целуя пав, произнёс павлин, – в нашем гареме пополнение, знакомьтесь это Пир!

– Ой, какая маленькая красивая птичка! – обрадовались павы.

– А, что такое гарем? – насторожился Пир.

– Гарем – это все мои любимые жёны, которых ты видишь. И ты тоже будешь моей маленькой невестой.

– Не буду я никакой невестой! – возмутился Пир, – я пацан! Постой, но тебя же зовут Сандара, это ведь женское имя…

– Совсем нет, в переводе с хинди Сандара означает красивый! Это самое, что ни на есть, индийское мужское имя, – объяснил павлин.

– Значит, ты…

– Да, я – самец! – гордо произнёс Сандара.

– Ну, какого чибиса тебе, мужику, такой смазливый хвост? – воскликнул Пир.

– Своим хвостом я завлекаю самочек! – и павлин, демонстрируя свои чары, раскрыл хвост, и павы тут же закружились вокруг него.

Пир смотрел на этот хвост, который теперь казался ему просто отвратительным. Вдруг на фоне павлиньего хвоста он увидел образ Рулы, её маленькую головку и услышал беспокойный голосок: «Пир, любимый, куда же ты?»

Павлин издал резкий отвратительный крик, похожий на вопль мартовского кота, который полностью отрезвил Пира.

– Дорогой, ты оставайся с нами, – радушно произнёс павлин, – а я тебе тоже соберу гарем, сколько пав ты хочешь?

– Не надо мне твои гаремы! – сердито ответил Пир и добавил, – мне нужна только моя любимая Рула!

Снегирь резко взлетел, а врождённый инстинкт проложил его курс домой, на север.

Как я мог увязаться за каким-то хвостом? – упрекал сам себя, Пир, – оставить всё, родной заснеженный лес, любимую Рулу, добрых соседей-белок и променять это всё близкое сердцу на какого-то павлина с гаремом? Как? Ну, почему даже глупый петух не бросил свою курицу и не полетел за этим хвостом. Это сделал я, один я из всего нашего леса! Но как же мне теперь вернуться домой, как? Как посмотреть Руле в глаза?

Всю дорогу домой снегирь винил себя за свой опрометчивый поступок. Чувство стыда накрыло Пира от макушки до коготков, от чего кровь застучала у него в висках молоточками и наполнила каждую его клеточку и каждое пёрышко. Ему казалось, что он весь горит с головы до ног. Пир смотрел вперёд и летел так быстро, как никогда не летал, даже не подозревая, что каждая пушинка на его грудке уже окрасилась в алый цвет. Вначале ему хотелось то утонуть, то разбиться об землю, но пересилив себя, он решил броситься в лапки Рулы и просить прощения у неё каждый день, а там будь что будет.

Пир влетел в родной лес, и увидев на сосне Рулу, присел рядом и тихо произнёс: «Прости меня, любимая!» Рула повернула головку на Пира, и в этот момент соседка белка прыгнула с другого дерева на их ветку и громко крикнула: «Пир, Рула, на помощь, наш сынок в опасности!» Снегири полетели за прыгающей по веткам деревьев белкой. Хвост, горько плачущего бельчонка, застрял в расщелине между веток. Папа бельчонка старался наклонить ветку, чтобы освободить сыночка, но ничего не получалось. Пир и Рула, не сговариваясь, начали выклёвывать кору веток с двух сторон, с чем они, в конце концов, успешно справились, освободив бельчонка. Семья белок поблагодарила снегирей и спряталась в дупле.

– Рула, прости меня, если сможешь, – опустив голову, произнёс Пир.

– Я ждала тебя, Пир… – произнесла Рула, разглядывая друга.

– Но почему ты ни слова не говоришь мне в упрёк? – удивился Пир.

– Мой милый Пир, ты чувствуешь угрызения совести, и это самое главное для меня. Твой стыд идёт во славу тебе, и значит, будет благодатью для нашей семьи, он уже покрыл тебя, так чего же мне тебя мучить, любимый! Грудка твоя стала красной, это будет вечным знаком твоей вины передо мной.

С тех пор снегири мальчики имеют алую грудку, как напоминание и предупреждение всем остальным: «Любить за красоту – всё равно, что любить шоколад за обёртку».

Говорят, что в честь Пира и Рулы род снегирей и получил латинское название Pyrrhula, что означает огненный.

– Мама, мама! – воскликнул бельчонок, – посмотри, какой у меня пушистый и красивый хвост!

– Запомни, малыш, – ответила белка-мать, – красота она не в хвосте, а в сердце.

Чтение лучшее учение

Люди решительно склонны чувствовать себя самыми умными на земле. Но животные, окружающие нас, иногда поражают своими интеллектуальными талантами. Знаете ли вы, что обезьяны могут рисовать настоящие картины, собаки могут водить автомобиль и кататься на скейте, во́роны могут выучить человеческую речь, а поросята-матери даже поют песни своим маленьким свинкам. О некоторых способностях братьев наших меньших мы даже и подозревать не можем.

В пятницу ночью 13 декабря 2024 года на одном чердаке дачного посёлка S, которых в нашей стране огромное множество, послышалась суетливая возня. В таинственной темноте раздались шорохи, поскрёбывания и попискивания. В лунном свете у ножек старого письменного стола появились мохнатые крысиные спинки с длинными хвостиками. Две из них легко забрались вначале на стул, а потом ловко запрыгнули на старый письменный стол. Одна из них нажала кнопку настольной лампы. Приглушённый зеленоватый свет осветил часть чердачного помещения со старым буфетом, книжным шкафом, сундуком, патефоном, с подвешенными на верёвке вениками для бани, и скрученным шлангом для полива. На пёстрых половиках замерев сидели полтора десятка серых крыс, задрав мордочки вверх. Кроме того, здесь была одна чёрная и даже рыжая крыса, которая лазила в коробке с потрёпанными детскими игрушками.

– Меня по-прежнему зовут Стелла, – начала крупная крыса на столе, взобравшись на чернильницу, – я собрала вас здесь, по одному важному для нас поводу. Все мы живём в разных домах. У всех у нас есть всё необходимое для жизни: подвалы, шкафы, антресоли и чердаки полные еды. Но подходит конец нашей познавательной и духовной жизни.

Все крысы зашумели.

– Это ещё почему? – громко воскликнул чёрный крыс.

– Попрошу тишины! – худой крыс на столе громко постучал перьевой ручкой по пустому графину.

– Пасюк, – обращаясь к чёрному крысу, продолжила Стелла, – десятки лет двуногие отправляли на чердак все свои книги и журналы, – где мы благополучно их грызли, так сказать, от корки до корки. А когда мы грызём книги, мы их не просто проглатываем, мы их пропускаем через своё сердце. Каждая буквочка, строка и страничка проходят через наши умы, и мы легко запоминаем весь прочитанный текст наизусть. Именно поэтому мы, крысиный народ, считаемся самыми умными после двуногих. Не зря же они повторяют наше крылатое выражение «Грызи гранит науки». Благодаря чтению среди нас есть доктора наук, профессора и даже академики. А теперь, книг на чердаках осталось совсем мало…

– И по какой причине? – вопросительно пискнул Пасюк.

– Причина проста, двуногие перестают покупать книги, они смотрят телевизор, сидят за компьютерами, играют на приставках, зависают в телефонах, – тяжело вздохнула Стелла, – и всё меньше читают…

– Значит, – радостно перебил Пасюк, приглаживая усики, – скоро мы станем самыми умными на земле!

– Нет, если мы перестанем читать, мы станем глупыми, как курицы, – грустно опустила бусинки глаз Стелла, – но самая большая проблема – это детская литература.

– Вот, вот! – откинув голову назад воскликнула рыжая крыса, взгромоздившись на голову игрушечного белого медведя, – мой сын Зубчик так и сказал, что, когда закончатся детские книжки, он станет грызть таблички с названиями улиц.

– Спасибо вам, дорогая Лузга. Вот, пожалуйста, разве мы можем допустить, чтобы наши дети рисковали сорваться с большой высоты и разбиться. А если они начнут читать упаковки с лекарствами, и, грызя их, могут отравиться таблетками.

Возникла пауза, все крысы начали между собой обсуждать эту серьёзную проблему.

– А может быть, – тихонько спросил седой крыс в очках, – нам просто перестать грызть книги и начать их просто читать?

– Это категорически исключено, тогда мы утратим наше легендарное имя Крыса! – подняла вверх указательный коготь Стелла.

– А я предлагаю, – сморщил носик Пасюк, открывая верхний ряд жёлтых зубов, – перегрызть в домах у двуногих все провода.

– Пасюк, мы не можем опуститься до этого, а если бы ты больше грыз книги, а не коробки с продуктами, то знал, что все провода находятся под напряжением, а это опасно для жизни. Кроме того, мы, великий и благородный крысиный народ, понимаем, что только благодаря двуногим мы достигли такого уровня развития. Именно из уважения к нам они создали знаменитый логотип «Apple» с отгрызанным яблоком и назвали нас интеллигентами животного мира, – Стелла обвела всех взглядом, спустилась с чернильницы и обратилась к худому крысу, стоящему рядом с ней, – Лущик, у Вас есть что-нибудь добавить?

– Спасибо, дорогая, – тихо ответил крыс, но встав на чернильницу, начал звонко выкрикивать заранее подготовленную тираду, размахивая при этом лапками, как дирижёр, – что останется грызть нашим детям, когда закончатся книги? Пластинки? Кассеты? CD-диски или флешки? Я вас спрашиваю! Наше поколение ждёт оглупление и отупение, если они перестанут читать! Нужно каждому из нас задать себе извечный вопрос: «Что делать?»

– Кажется, я знаю, что надо делать, – спокойно произнесла рыжая Лузга, откинув голову назад, и спрыгнула с головы медведя.

– Что? Что? – раздалось со всех сторон.

***

Спустя несколько дней, в понедельник 23 декабря 2024 года в почтовое отделение посёлка S вошла изящная молодая женщина. Отстояв очередь она, откинув роскошные рыжие волосы назад, оформила годовую подписку различных детских журналов на все дома своего посёлка. Во вторник ночью 14 января на старый Новый год на всех чердаках посёлка S маленькие крысёныши с удовольствием грызли и читали свои любимые детские журналы.

Лердесс

– Маш, давай собирайся, поехали на экскурсию! – укладывая спортивную форму в сумку, сказала Татьяна.

– Тань, я так устала, хочется отлежаться… – блаженно закинув руки за голову, ответила подруга по сборной.

– Целый день отдыха, наш автобус в Находку завтра утром, ты что будешь в гостинице болтаться весь день? – возмутилась Татьяна.

– Не знаю…

– А я знаю! Отлежишься ещё! Надо отпраздновать окончание соревнований и твою первую золотую медаль чемпионки Приморского края! Раз у нас спортивный режим, предла-

гаю отметить это хорошей экскурсией! Наши все едут. А то тренировки, соревнования, сборы, так ничего и не увидишь. А тут, побудем на природе, на водопадах.

– На Ниагарских? – садясь на кровати, спросила Маша, уже сдаваясь уговорам подруги.

– Выиграешь Европу, вот тогда побудешь и на Ниагарском, а сейчас собирайся, едем на Кравцовские водопады.

Спустя час команда спортсменов из Находки сидела в автобусе, глазела по сторонам и внимательно слушала седого экскурсовода: «Уважаемые спортсмены, через десять минут мы прибудем на место начала нашей экскурсии – Кравцовские водопады, а после обеда в посёлке Барабаш, мы с вами посетим национальный парк "Земля Леопарда", пройдем по маршруту "Тропой леопарда", посмотрим места обитания этого великолепного зверя, познакомимся с растениями и животными приморской тайги. На маршруте будем решать интересные загадки, слушать лес и видеть невидимое!»

Целый день группа спортсменов провела в заповедной зоне. Ребята много фотографировались, наблюдали за весенней природой родного Приморского края.

– Ребята, вот и закончилась наша экскурсия, надеюсь вам понравилось?

– Николай Петрович, очень всё понравилось, спасибо.

– Меня удивили пещеры леопардов!

– А, меня водопады, особенно водопад «Сказка»!

– К сожалению, или к счастью, – произнёс Николай Петрович, – на этом наше общение не заканчивается, потому что наш автобус сломался и нам придётся дождаться другого транспортного средства. У нас с вами есть полтора-два часа. Предлагаю разжечь костёр, чтобы не озябнуть, поэтому прошу юношей насобирать хвороста, но с одним условием, деревья не ломать.

Через 15 минут все молча сидели у костра, протягивая ладошки к языкам пламени.

– Николай Петрович, расскажите что-нибудь интересное, – попросила Татьяна.

– Хорошо, я расскажу вам историю, которая произошла в наших краях. Хотя, правда это или вымысел – решать вам. Когда-то на окраине села Барабаш жил егерь Кузьмич со своей женой Еленой. Детей у них не было, единственный их сын умер ещё в десятилетнем возрасте. Елена занималась домашним хозяйством, а Кузьмич, выполняя свои обязанности егеря, охранял заповедную зону «Земля Леопарда». И вот однажды, уже заканчивая обходить свои владения, из-за надвигающейся грозы, он услышал выстрелы и по увядающей осенней траве ускорил шаги в направлении звуков. Шёл он настолько быстро, насколько позволяла ему, простреляная в молодости браконьерами нога. Дождь усилился, но благодаря своему двадцатилетнему опыту работы в тайге, очень скоро он вышел в район предполагаемых выстрелов. Издалека, около небольшой пещеры, он увидел детёныша леопарда. Молния ударила так близко от Кузьмича, что его опрокинуло наземь и несколько секунд он приходил в себя. Поднявшись, вместо маленького леопарда, он увидел голую чумазую девочку лет семи, тихо поскуливающую возле большого кровяного пятна…

– Да ладно! Так не бывает, – возмутился кто-то из ребят, – чтобы от разряда молнии, леопард превратился в человека!

– Не знаю, только эту историю придумал не я. Так мне её рассказали. Увидев егеря, девочка бросилась в логово. Поняв, что браконьеров уже не догнать, Кузьмич склонился над входом в пещеру и услышал из темноты грозное шипение.

– Малышка, иди ко мне, иди! Не бойся! – он протянул руку и нащупав тоненькую ручонку легонько потянул на себя. Услышав грозное шипение и почувствовав, как острые зубки впились в его руку, отпустил, – вот ты – дурында, да не обижу я тебя!

Кузьмич стёр кровь с прокусанной руки и присел рядом с пещерой: «Небось, есть-то хочешь?»

Он достал из рюкзака бутерброд с ветчиной, аккуратно развернул салфетку и положил внутрь пещеры. Через мгновение ветчина с хлеба исчезла в темноте логова, а егерь налил в

крышку термоса ещё теплый чай и поставил на тоже место. Опустив голову, Кузьмич увидел, как девчонка половину крышки вылакала, а потом, когда язык стал не доставать напитка, подняла её и залпом выпила. Егерь завернул нетронутый хлеб, кряхтя встал, и сделав несколько шагов, обернулся: «Ну, что, малышка, пойдешь со мной?» Через несколько мгновений из пещеры показалась темноволосая косматая голова. Девочка встала на ноги и вплотную подошла к нему. Оказалось, что всё её маленькое тельце от кончика носа до самых пяточек покрыто мелкими конопушками. С правой стороны над верхней губой было три горизонтальные родинки. Её светло-карие, почти жёлтые глаза встретились с голубыми глазами Кузьмича и несколько секунд изучали его, а маленький носик глубоко втягивал воздух. Потом, она двумя ручками взяла его руку, поднесла к своему рту и зализала рану.

– Ну, вот и добре! – егерь снял куртку, укутал девочку с ног до головы, поднял на руки и понёс домой.

– Елена Дмитриевна, принимайте пополнение семейства! – с порога произнёс Кузьмич и опустил девчонку на пол.

– О, Господи Боже мой! – жена выронила из рук таз с бельём, – где же ты её взял?

– В лесу, в пещере.

– Неужели есть такие изверги, которые бросают таких маленьких деток? – возмутилась Елена Дмитриевна, и присев перед ребёнком на корточки, ласково спросила – как же тебя зовут деточка?

Жёлтые глазки девочки беспокойно двигались, изучая то хозяйку, то убранство дома.

– Похоже, что она не только плохо говорит, но и плохо нас понимает, – разуваясь, ответил за малышку Кузьмич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.